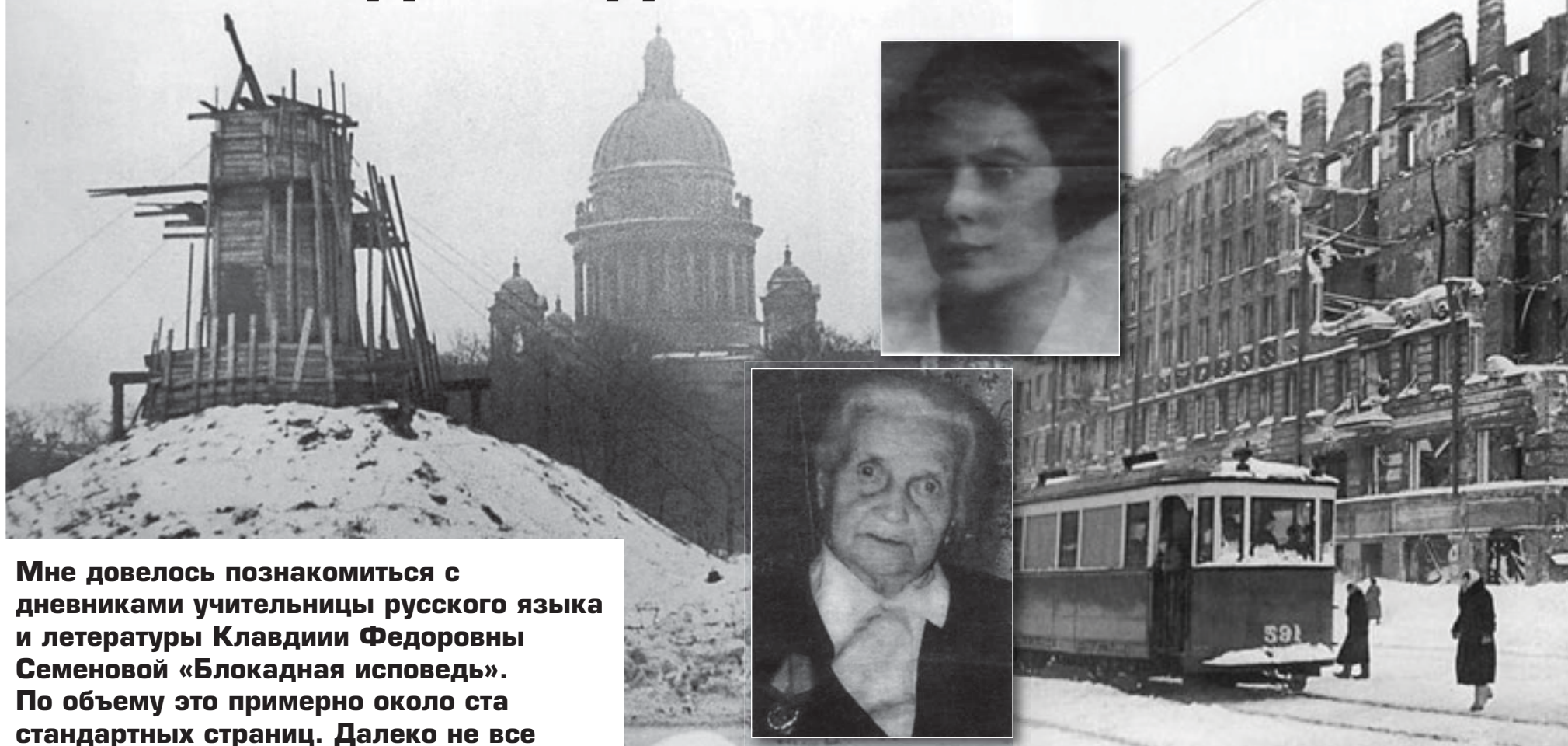

БЛОКАДЫ ШКОЛЬНЫЕ УРОКИ

«Я В ГОРОДЕ ТОГДА СВОЕМ ЖИЛА»

Мне довелось познакомиться с дневниками учительницы русского языка и литературы Клавдии Федоровны Семеновой «Блокадная исповедь». По объему это примерно около ста стандартных страниц. Далеко не все они собственно о блокаде, есть немало отступлений личного, семейного, характера, есть большой пролог – путь в Ленинград из Лужского района, когда немцы уже надвигались на псковские рубежи, немало страниц, посвященных и довоенным, и послевоенным событиям.

Собственно сюжета, какой-то одной главенствующей линии нет. Если мысленно отслоить разного рода отступления авторского характера, то перед нами более-менее хронологически последовательный рассказ о том, как для молодой ленинградской школьной учительницы, матери двух девочек-близняток, сперва началась блокада, затем как она продолжалась и преодолевалась и, наконец, какими подробностями запечатлелись день снятия блокады и даже День Победы 9 мая 1945 года.

В тексте немало метких психологических наблюдений, довольно точных и порою красочных описаний природы, но есть и довольно строгие ссылки на книги как художественные, так и документальные. Научно-исследовательская литература не упоминается.

Вероятно, какие-то заметки, наброски, черновики Клавдия Федоровна делала по горячим следам событий, что-то носит черты последовавших десятилетий, примерно до середины 70-х годов XX века. Возможно, к некоторым страницам своих дневников Семенова возвращалась несколько позднее, потому что в тексте мелькнула фраза «Пишу эти строки в 75 лет...». Значит где-то в 1980 году!

О Клавдии Федоровне можно было бы писать геронтологический очерк: прожила почти 104 года – и не где-нибудь на Кавказе, а

почти безвыездно – на невском берегу, в городе. А если учесть, что примерно на трети ее жизненного пути была блокада, то это долгожительство тем более удивительно!

Она могла бы развить свои литературные способности, пройти литературно-творческую учебу, но кроме нескольких проб пера о сельской жизни еще в довоенные годы и послевоенного дневника написать ей ничего не удалось. Все время было поглощено заботой о делах школьных и домашних.

Для данной публикации я выбрала всего лишь несколько страниц. Чтобы тексты были связанными, понятными, пришлось провести кое-какие сокращения – главное, чтобы блокадные школьные будни были в итоге даны, выражаясь кинематографическим языком, крупным планом.

ПЕРВАЯ БЛОКАДНАЯ ЕЛКА НОВОГОДНЯ

«В своей школе я получила на детей два билета на елку, которая была организована в 72-й школе по адресу: 11-я Красноармейская улица. Число праздника припомнить точно не могу, но и сейчас ясно вижу тот вечер. С большим трудом добрались мы с мамой и с двумя детьми (их пришлось нести на руках) до школы. Путь вроде бы недалек, но ноги передвигаются с трудом, на руках – по-зимнему одетые дети. Раза два отдохнув на сугробах, мы добрались до школы.

Она стояла с затемненными окнами, но в ней слышался какой-то шум, было какое-то движение. Прошли мы по коридору, не раздеваясь, в зал. Там было много детей. Они стояли группками. Пришли учителя, увели ребят в столовую, где был приготовлен обед, а потом ребят повели в другой зал, где стояла наряженная елка. На ней горели синие лампочки, небольшая елка вся сверкала игрушками. Около елки ребята получили (по билету) подарок: немного конфет, печенья, несколько маленьких мандаринчиков. Это было настоящим чудом для маленьких ленинградцев!»

ЧТО ДЕЛАЛИ УЧИТЕЛЯ, КОГДА РЕБЯТА НЕ УЧИЛИСЬ

«284-я школа на Измайловском проспекте пустовала. В ней жили только завхоз со своей семьей. Директор и завуч приходили только на дежурства и за получением карточек...

Учителя использовались на различных работах: дежурили в госпиталях писали письма, читали их раненым, читали вслух газеты, другим поручалось брать к себе домой белье для починки, третьи дежурили в школах, в РОНО, порою занимались даже мелким ремонтом школьных зданий: например, закладывали бреши кирпичами, забивали рамы фанерой. Мне лично запомнилось одно дежурство в РОНО, которое тогда находилось на 1-й Красноармейской улице. Заведующая РОНО Потапова работала в своем кабинете, а я дежурила в бывшей канцелярии. Вдруг начался артобстрел. Снаряд попал в наше здание, загорелся проводка. Тушили мы пожар вдвоем какими-то тряпками, вытасненными из кладовки.

...Весной мне дали указание

поработать на курсах, организованных для рабочих строительного отряда. Три раза в неделю я проводила двухчасовые занятия, а план составила сама – по результатам первого же проведенного мною диктанта. На этих курсах я работала месяца полтора, а потом помогла библиотекарше в ее профессиональных делах. Иногда я брала с собой в библиотеку дочек: там были и детские книжки, журналы с картинками, которые девочки с интересом рассматривали: ведь им уже шел пятый год...»

ВМЕСТО ШКОЛЬНОГО ЗВОНКА ПРОГРЕМЕЛ СНАРЯД

«Незабываем осенний день 1943 года, когда многие из нас, учителя и дети, были на волоске от гибели. На третьем этаже я занималась с детьми четвертого класса, а в смежном помещении вела урок Клавдия Васильевна с ребятами третьеклассниками. Вдруг с грохотом и свистом в класс моей коллеги влетел снаряд! Он пробил юго-западную стену класса, выходящую на 12-ю Красноармейскую улицу, и ушел под пол. От сотрясения обрушилась штукатурка. Дети в ужасе вскочили из-за парт. С трудом удалось их, побелевших от страха, организованно вывести из классов в коридор. И ребята, и учительницы были все в штукатурке. По лестнице к нам бежали директор и завуч. Они потребовали, чтобы мы спустились в бомбоубежище. Через два часа нам было велено отправляться по домам. А снаряд? Он не разорвался. Приехавшие минеры его обезвредили и увезли. Трудно себе представить возможные последствия такого взрыва!...

Так я и вела занятия – под обстрелами, в бомбоубежищах, где висели классные доски, стояли

парты. Учителя из методкабинета приносили с собой книги, картины, карты... До сих пор стоят перед глазами школьники той поры – худенькие, с бесцветными или серыми лицами, кое-как одетые, очень тихие, разучившиеся бегать и смеяться.

ПОБЕДА ПРИБЛИЖАЛАСЬ К НАМ

«...Вот и настал новый, 1944-й год. На этот раз елка пришла к нам домой. Не сама, конечно: ее подарила моим дочкам новая директриса Анисья Георгиевна Савина. Чудом сбереглись у нее елочные игрушки, а конфеты я получила по карточке.

А следующий год был уже победным! Ясно вижу день, когда ленинградцы заполонили Московский проспект встречать воинов-освободителей. Сколько было ликования! Сколько цветов! Мои дочки были тоже с букетами ромашек. Надя вручила букетик бойцу, который ее высоко поднял на руках, а Вера кому-то бросила букетик, но он упал под ноги...»

Вот, собственно говоря, и все чисто школьные, чисто блокадные страницы довольно-таки большого дневника. На просьбы поведать о блокадной поре поподробнее Клавдия Федоровна неизменно отвечала: «Уроки как уроки: грамматические правила, диктовки, разбор предложений. Вот обстоятельство были невероятно сложными и небывальными! А учительский труд, в сущности, оставался прежним. Он не может надоесть, если ты его любишь!» Клавдия Федоровна любовь эту пронесла через всю свою очень-очень долгую жизнь.

Марина КУЗНЕЦОВА